

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

— 1 —

Печальный жизненный факт — если уж молодой женщине не повезло попасть в этот полный ожиданий мир, то лучше ей сделать все возможное, чтобы родиться красивой. Быть хорошенькой и бедной само по себе несчастье, однако быть дурнушкой без гроша в кармане — вот действительно тяжелая судьба.

Четыре из пяти сестер Беннет из Меритона в графстве Хартфордшир были предусмотрительны в достаточной степени — ровно настолько, чтобы родиться милovidными, а потому считаться красавицами в тех узких кругах, в которых вращались. Старшая из сестер, Джейн, выделялась из них больше всех. Очарование ее лица и фигуры дополнялось скромным складом характера. Элизабет, вторая сестра, мельчайшие недостатки своей внешности восполняла остроумием и живостью характера, в то время как Кэтрин и Лидия, две младшеньких, являли собой всю свежесть юности в сочетании со склонностью к смеху и кокетству — что весьма нравилось молодым людям с такими же кричащими и невзыскательными стремлениями. И только Мэри, средняя дочь, не обладала ни красотой, ни остроумием,

ни обаянием; однако ее сестры блистали так ярко, что, казалось, скрывали ее недостатки и даже вовсе заставляли забыть о ее присутствии. Поэтому к тому моменту, как они выросли, семья Беннет считалась одной из самых приятных в графстве.

Как бы то ни было, все знали, что материальным перспективам молодых девушек, в отличие от их красоты, едва ли позавидуешь. На первый взгляд семья казалась вполне обеспеченной. Беннеты были одними из самых заметных обитателей Лонгборнской деревушки, а их дом — солидный, но непримечательный — недостаток роскошного убранства восполнял комфортом. Семейству за столом было кому прислуживать, кроме того, повар заправлял кухней, а садовник следил за порядком в саду. И несмотря на то, что владения мистера Беннета были невелики, их вполне хватало на то, чтобы поддерживать его репутацию приличного джентльмена. Немногие из семей, с которыми они близко общались, были достаточно богаты или благородны, чтобы относиться к ним свысока, поэтому Беннеты считались почтенным украшением Хартфордширского общества.

Но в деревнях редко бывает, что имущество действительно целиком и полностью принадлежит какой-то семье, и все знали, что внешнее процветание Беннетов покоилось на весьма зыбких основаниях. Собственность Беннетов подлежала обязательному наследованию, а наследниками могли быть исключительно мужчины. Если в семье Беннетов не суждено было родиться сыну, то все их имущество в конце концов перешло бы кузену мистера Беннета. Поначалу никто не придавал этому особого значения. С того момента, как с многообещающей регулярностью в Лонгборне начал появляться один ребенок за другим, это был лишь вопрос времени, когда

в семье Беннетов родится долгожданный мальчик. Но когда девочек стало уже пять и пришлось признать тот факт, что наследников более не предвидится, на счастье семьи легла мрачная тень. После смерти мистера Беннета его жена и дочери не получили бы ничего, кроме четырех процентов от пяти тысяч фунтов, а также унижительной надежды на сомнительную благотворительность от дальнего и незнакомого родственника. Друзья Беннетов не оставались равнодушными к бедственному положению семьи, однако это ничуть не ослабляло их любопытства по поводу того, какое будущее ожидало означенное семейство. Ибо что может быть более захватывающим, чем наблюдать из первых рядов возможный крах целой семьи?

Мистер Беннет не собирался доставлять своим соседям удовольствие и не выказывал явного разочарования по поводу жестокой насмешки судьбы, что лишила зависящих от него людей той финансовой стабильности, которой они, по его надеждам, должны были когда-то насладиться. Для всего мира он оставался таким же, каким был всегда: невозмутимым весельчаком, по-видимому, смирившимся с тем, чего не в силах был изменить. Свое беспокойство он едва ли выказывал и в кругу семьи. Возможно, именно в те долгие часы, что мистер Беннет проводил в библиотеке, он боролся с собой, пытаясь найти способ выбраться из столь затруднительного положения. Если и так, то со своими родными он не делился ни умо- заключениями, ни тревогами.

Жена его, однако, подобной сдержанностью не обладала. Миссис Беннет и думать ни о чем другом не могла, как о тех невзгодах, что сулили выпасть на судьбу ее самой и ее дочерей после смерти мистера Беннета. Нередко как дома, так и за его пределами из

уст ее вырывались сетования на лукавство судьбы. По собственным заверениям миссис Беннет, ее нервы не выдерживали напряжения, вызванного столь печальным положением дел. Как у кого-то могло хватить наглости отобрать дом у ее дочерей — этого она понять не могла. И пока никто и ничего не мог с этим поделать, разорение висело над ними тяжелым роком. Миссис Беннет не обладала ни большим умом, ни ярким воображением, однако отличалась немалой энергией и целеустремленностью, которые со всем упорством, на какое только была способна, она посвятила поиску выхода из их неприятного положения. Вскоре миссис Беннет убедилась в том, что выход из тех невзгод, в которые попали ее девочки, может быть только один: они должны выйти замуж, и чем быстрее и выгоднее, тем лучше. Если отец не смог обеспечить будущее дочерям, то девочки сами должны были найти себе мужей, которые сделают это за него.

Увидеть, как ее дочери выходят замуж за молодых людей с весьма достойным материальным положением, развеяло бы многие страхи миссис Беннет. Однако фантазии о том, как девочки объединят свои судьбы с людьми солидного и значительного достатка, были ее радостью, не омраченной частыми раздумьями. Ничто не делало миссис Беннет более счастливой, чем мысли о том, что во владениях ее дочерей окажутся элегантные дома с холмистыми парками, а также уверенность в том, что больше никогда она не услышит этого ужасного слова «наследство». Безусловно, она прекрасно знала: богатых холостяков не так уж просто отыскать, а еще сложнее удержать, тем более девушкам, которые не могли похвастаться роскошным приданым. Но миссис Беннет не теряла присутствия духа. Она верила в то, что ее девочки

обладают тем преимуществом, которое позволило бы им одержать победу над всеми трудностями. Другие девушки могли быть богаты, однако ее дочерей отличала красота. Именно это, как считала миссис Беннет, было тем благословенным даром, который проложит им путь к богатству. Внешность ее дочерей привлекла бы мужчин избранных, ослепив их, завоевав сердца, и убедила бы забыть о холодных, корыстных побуждениях здравого смысла. Миссис Беннет свято верила в то, что, за неимением десяти тысяч фунтов за душой, хорошенькое личико оставалось самым ценным, чем может обладать молодая девушка.

Собственный ее опыт лишь подкреплял эту веру, поскольку двадцатью пятью годами ранее именно юная красота миссис Беннет привела к алтарю совершенно потерявшего голову мистера Беннета, несмотря на все препятствия на пути к их союзу. Один взгляд на ее прекрасное личико, и Беннет забывал о том, что ее отец был всего лишь провинциальным юристом из Меритона, а брат жил где-то неподалеку от его собственных складов в Чипсайде. Мистер Беннет был решительно настроен жениться, и, вопреки всем советам, это и сделал. В целом результат такого союза миссис Беннет вполне удовлетворял. Да, мистер Беннет оказался весьма эксцентричным человеком, дразнившим ее больше, чем она полагала необходимым. Однако, как хозяйка Лонгборна, она владела поместьем достаточно обширным, чтобы тешить свое тщеславие, а положение мужа давало ей удовольствие покровительствовать своим менее удачливым знакомым при каждом удобном случае. Для мистера Беннета, однако, преимущества их брака оказались куда менее очевидными. Его неспособность рассудить, доставит ли ему темперамент супруги столь же много удовольствия,

сколь ее внешность, повлекли за собой более серьезные и долгоиграющие последствия. Ограниченность ума миссис Беннет в сочетании с узостью ее интересов означали, что супруги никогда не смогут стать равными партнерами. Она не могла быть ни его компаньоном, ни другом. Ее красоты оказалось достаточно, чтобы его покорить, однако — и мистер Беннет вскоре понял это — ее было мало, чтобы сделать его счастливым.

К счастью миссис Беннет, она не была склонной к размышлениям женщиной, и даже если ее супруг теперь жалел о тех убеждениях, которые подтолкнули его к выбору жены, сама она оставалась в неведении. В итоге все ее предубеждения оставались неоспоримыми. Она не ценила никаких качеств в женщинах, помимо красоты. Остроумие и интеллект, доброта и хорошее чувство юмора не значили для нее абсолютно ничего. Прекрасная внешность превосходила любые другие черты. В своих дочерях она ничто не ценила так, как их способность нравиться окружающим.

В отношении четырех своих девочек миссис Беннет, в связи с этим, была полностью довольна. На Джейн мать возлагала свои самые большие надежды, ибо, как она часто говорила мистеру Беннету, недаром же старшая дочь родилась такой красивой. Еще три сестры, если и не были так же щедро одарены красотой, как Джейн, были все же, по мнению миссис Беннет, достаточно хороши, чтобы привлекать к себе внимание, в каком бы обществе ни оказались. И только одна дочь не оправдала никаких ее надежд. Мэри совершила роковую ошибку, не унаследовав ни внешности, ни обаяния всех остальных женщин семейства Беннет. Как вскоре обнаружила сама Мэри, это был тот грех, за который, в глазах миссис Беннет, не могло быть прощения.

Мэри уже и не помнила, когда обнаружила, что она дурнушка. Ей казалось, она не замечала этого, когда совсем маленькой девочкой весело играла с Джейн и Элизабет, бегая по саду в запятнанном травой платье; или когда все вместе они прижимались друг к другу у камина детской, отогревая ноги на каминной решетке. Ей казалось, она не знала этого и тогда, когда миссис Хилл, экономка ее матери, умывала ее лицо каждое утро и повязывала поверх ее платья чистый передник. Она определенно не знала этого, когда вместе с сестрами врывается на кухню, если повара что-то пекли, и выпрашивала у них корочку теплого хлеба, которую девочки забирали с собой и вместе уминали за ближайшим кустом, хохоча от всей души. Тогда, думала Мэри, она была счастлива. К моменту, когда ей исполнилось семь или восемь, она начала подозревать, что что-то не так. Она видела, с каким выражением смотрела на нее мать — с тем, которое никогда не появлялось на ее лице, когда та смотрела на Джейн или Лиззи. В этом взгляде сквозило нечто среднее между раздражением и недоумением. Мэри не знала, что именно это было, но научилась очень хорошо его узнавать. За этим всегда следовал призыв матери:

— Подойди ко мне, дитя. Дай мне взглянуть на тебя.

Встав со стула, Мэри шла через всю гостиную туда, где сидела миссис Беннет, чувствуя себя неловко под пристальным взглядом матери. Ленты на ее косах тут же перевязывали, пояс на платье поправляли, а само платье одергивали то в одну, то в другую сторону. Но что бы ни беспокоило миссис Беннет, никакие ее попытки унять это беспокойство не увенчивались успехом. Она лишь поджимала губы и отводила взгляд, расстроено и безмолвно

махнув рукой в знак того, чтобы дочь вернулась на свое место. Мэри знала, что была разочарованием для своей матери, хоть и не понимала, в чем именно ее подвела.

Однако, будучи умной девочкой, вскоре она осознала, что означали все эти вздохи, хмурые взгляды и пренебрежение. Мэри не могла не заметить, что миссис Беннет никогда не говорила о ее внешности с тем же удовлетворением, что слышалось в ее голосе, когда она описывала старших сестер.

— Джейн мила, как ангел, — часто говорила мать, отзываясь о старшей сестре с нескрываемой гордостью. — Смотреть на нее — одно удовольствие.

Джейн лишь опускала голову и покрывалась румянцем, ибо была скромницей. Она старалась не смотреть на Элизабет, которая каждый раз, когда миссис Беннет слишком уж принималась восхищаться, ловила взгляд сестры и старалась ее рассмешить. Внешность самой Элизабет была по вкусу не столько ее матери, сколько Джейн. Ее темные глаза и искрящаяся улыбка слишком красноречиво отражали живой характер, чтобы завоевать искреннее одобрение миссис Беннет. Лиззи была слишком игривой, чтобы считаться настоящей красавицей; однако, несмотря на все опасения, даже оценивающий взгляд миссис Беннет должен был признать, что в Элизабет было нечто привлекательное. И хоть мать частенько бранила вторую дочь за дерзость замечаний и независимость духа, миссис Беннет никогда не ставила под вопрос ее внешность.

Взрослея, Мэри с надеждой ждала услышать от миссис Беннет те же слова одобрения. Поначалу она полагала, что эти слова придут сами собой, со временем, когда Мэри, наконец, достигнет определенного возраста и тоже сможет насладиться восхищением матери. Но даже тогда,

когда она так много внимания уделяла себе — лишней раз проверяя, что чулки сидят ровно, лицо чисто вымыто, а волосы причесаны, — ее мать не находила для дочери добрых слов. Месяц за месяцем Мэри с тревогой ждала момента, когда миссис Беннет скажет ей хоть какие-то слова похвалы. Быть может, что глаза ее красивы, а фигура — изящна. Что волосы были самым привлекательным в ее облике. Ей было безразлично, какую часть миссис Беннет найдет достойной внимания. Она была согласна на любое замечание, если бы это позволило ей занять место среди сестер в лучах одобрения их матери.

Мэри было десять, когда она поняла, что всего этого не случится никогда. На дворе стоял теплый полдень. Миссис Беннет пила чай вместе со своей сестрой, миссис Филлипс. Джейн и Лиззи тут же исчезли при появлении тетки, оставив Мэри в полном одиночестве сидеть на диване, теребя кончики волос и отчаянно желая оказаться где-нибудь в другом месте. Ни мать, ни тетка не обращали на нее никакого внимания. Их разговор шел без умолку, начавшись с того, что кухарка леди Лукас едва ли покинет ее, «тем более перед самым сезоном розлива», перейдя к тому, что жена викария разрешится от бремени уже на этой неделе. Но когда миссис Филлипс понизила голос до шепота и наклонилась вперед, чтобы поделиться какой-то особенно важной сплетней, миссис Беннет мгновенно заметила присутствие в комнате дочери.

— Мэри, сходи в кухню и принеси еще сахара. Возьми сахарницу. Прямо сейчас, пожалуйста.

Обрадовавшись своему освобождению, Мэри затащила выполнение поручения настолько, насколько смогла. Неторопливо возвращаясь обратно по коридору, она стучала туфлями по каменной плитке, чтобы увидеть, как много пыли сможет поднять. Мэри остановилась у двери

в маленькую столовую, чтобы пригладить полы платья, и в приглушенном разговоре услышала свое имя. Она знала, ей следует обнаружить свое присутствие — миссис Хилл нередко говорила, что те, кто подслушивает, никогда не услышат о себе ничего хорошего, — но не смогла удержаться.

— Думаю, Мэри сегодня выглядит лучше, — заметила миссис Филлипс. — Не так бледна, как обычно.

Миссис Беннет фыркнула.

— Очень мило с твоей стороны, сестрица, но, боюсь, я вынуждена возразить. Для такой юной девушки, как Мэри, в ней совсем нет цвета. Она совсем не похожа на Джейн или Лиззи. Их румяные, сияющие личики отмечают все.

— В самом деле, они очень приятны, — любезно согласилась миссис Филлипс. — И я сомневаюсь, что Мэри когда-либо будут восхищаться так же, как этими двумя. Но, сестрица, не слишком ли ты сурова, осуждая ее таким образом? Вероятно, она страдает от постоянных сравнений. Если бы Джейн и Лиззи были чуточку менее хороши, была бы Мэри красивее в твоих глазах?

— Всем сердцем я желаю, чтобы ты была права, но, боюсь, сравнение тут не при чем. Мэри попросту дурна собой, вот и все. Гены мистера Беннета тому виной. Мы, Гардинеры, всегда отличались красотой.

Миссис Филлипс налила себе чаю и взглянула на сахарницу.

— Что ж, мне жалко девочку. Непросто быть гадким утенком среди такого количества лебедей.

— О да, и это огромное разочарование для меня, что чрезвычайно вредит моим нервам. Но только я смотрю на других своих дочерей, как мне тут же становится легче. Куда же она подевалась с этим сахаром?

Мэри вошла в комнату, потупив глаза. Опуская сахарницу на стол, она крепко сжала ее пальцами. Тетя улыбнулась ей, но миссис Беннет не обратила никакого внимания, когда дочь молча выскользнула из столовой. Выйдя в коридор, Мэри почувствовала, как бешено колотится ее сердце. Слова матери ударили по ней с такой силой, словно ее хватил сердечный приступ. Теперь все стало на свои места, подумала она, поднимаясь по лестнице. Теперь Мэри поняла. Она была невзрачна — словно вареная картошка, или обрывок небеленого ситца, или плоская белая обеденная тарелка. Войдя в свою спальню, Мэри придвинула стул к туалетному столику и наклонилась к маленькому зеркалу так близко, как только могла. Зеркало было старым и потускневшим, но она все же смогла себя в нем разглядеть. С мутной поверхности на нее смотрело небольшое личико, круглое и бледное. Да, подумала она, точно: повседневная обеденная тарелка. Серые глаза под светлыми бровями не были ни такими же большими и голубыми, как у Джейн, ни такими же темными и умными, как у Лиззи. Черты лица казались вполне правильными, но были совсем не выразительными. Рот был узким, губы — тонкими. Весь ее вид говорит о какой-то озабоченности, решила Мэри. По ее лицу, в отличие от Лиззи, нельзя было сказать, что она вот-вот разразится смехом. Волосы у нее были светло-каштановыми, но не такими же золотистыми и блестящими, как у Джейн. Мэри пришла к заключению, что в ее облике не было ничего, привлекающего внимания, или ничего того, что заставило бы смотреть на нее с удовольствием. Мать ее оказалась права. Мэри не сияла, не цвела. Какое-то время она еще смотрелась в зеркало, надеясь увидеть в нем свое яркое будущее — какой-то секрет, что позволил бы ей спастись. Не обнаружив ничего, Мэри взяла шаль,

свисавшую со спинки стула, и аккуратно накинула ее на плечи. Одинокая слеза скатилась по лицу, но Мэри даже не потрудилась ее смахнуть.

Она не рассказала о том, что услышала, ни Джейн, ни Лиззи. Мэри полагала, что они и так обо всем знают. Ее невзрачность теперь казалась настолько очевидной, что она не понимала, как сама не замечала все это время. Мэри не ждала от сестер сочувствия. Они никогда не поймут ее переживаний. Да и как они могли ее понять? Их красота являлась такой же неотъемлемой их частью, как рука или нога, — без этого было невозможно представить их жизнь. Под ее покровом они, играючи и пританцовывая, стремились навстречу своему будущему; Мэри же, напротив, равнодушно тащилась вперед, передвигая ноги без какой-либо радости или изящества. От своей матери она узнала, что без красоты истинное и крепкое счастье для нее недостижимо. Ей и в голову не приходило сомневаться в том, чему ее учили.

Мэри всегда была осмотнительной и наблюдательной девушкой, теперь же она думала только о том, какое жалкое впечатление производит на окружающих. Та бодрость духа, что вдохновляла ее бегать и играть с сестрами, улетучилась. У нее больше не было на это сил. Когда Джейн и Лиззи резвились и бегали по саду, все вокруг улыбались, говоря о том, как они очаровательны. Но Мэри убеждала саму себя в том, что, если бы на их месте была она, это выглядело бы нелепо. Беззаботность не была ей к лицу. Серьезность казалась единственным качеством, которым могла обладать девушка дурной наружности, чтобы не вызвать презрения или жалости со стороны окружающих. Постепенно Мэри привыкла к этому, пока сама не поверила, что такова ее природа — что это мрачное, одинокое и неловкое существо и есть она.

С грустью смотрела она, как Джейн и Лиззи медленно, но верно отдаляются от нее. Отвергнутые ее несчастьем, они окончательно оставили попытки развеселить ее. Мэри не удивлялась этому. Безусловно, они предпочитали общество друг друга. Как же могло быть иначе? Прошло совсем немного времени, как между этими двоими сформировались тесные и непоколебимые узы, поддерживаемые общими секретами и перешептываниями в сторонке. Мэри едва могла поверить в то, что в этом союзе было еще место для любой сестры, не говоря уже о ней. К потере Джейн она отнеслась весьма философски: несмотря на приятный нрав старшей из сестер, Мэри всегда находила ее, с этим идеальным личиком, слегка отстраненной и непостижимой. Однако пропасть, что разверзлась между ней и Элизабет, причиняла ей настоящую боль. Только отдалившись, Мэри поняла, как любила сестру, как упивалась ее живым присутствием. Никто не мог рассмешить ее так, как делала это Лиззи, — ласково и дразняще окуная в состояние счастья, с таким беспечным очарованием заставляя улыбаться самой себе. Какое-то время Мэри цеплялась за надежду, что Лиззи станет ее спасителем — увидев ее печаль, она протянет руку помощи и вытащит из бездны отчаяния, в которую, по ощущениям, Мэри медленно погружалась. Но несмотря на то, что иногда сестра загадочно посматривала на нее, порой почти с сожалением, она не сказала и не сделала чего-либо, чтобы удержать Мэри, и вскоре от их близости не осталось ничего, кроме воспоминаний.

Когда старшие сестры отдалились от нее, Мэри задумалась о том, не найдет ли она подругу в одной из оставшихся. Будучи помладше, она внимательно наблюдала за Китти и Лидией, пытаясь разглядеть, унаследуют ли они красоту, которой обладали Джейн